

Может ли Россия стать нефтяным раем?

Общественности сознательно навязывается точка зрения, будто сырьевые ресурсы — это единственный и незаменимый источник национального благополучия | **ВЛАДИМИР МИЛОВ**

Действия российских властей в последнее время наводят на мысль, что они, похоже, сделали выбор в пользу превращения России в «петростейт», или «нефтяное государство». Под этим термином понимают страны, богатые углеводородными ресурсами, в которых образ жизни и государственная политика в значительной мере подвержены воздействию нефтегазового фактора.

Несколько лет стабильно высоких цен на нефть и газ на международных рынках сделали свое дело, изменив приоритеты российской политики. Экономические реформы, заявленные главным пунктом экономической повестки дня властей в течение первого президентского срока Владимира Путина, практически свернуты, уступив место так называемым «национальным проектам» — инициативам преимущественно перераспределительного свойства, связанным с прямой либо косвенной поддержкой государством некоторых сфер экономики и социальной жизни за счет поступлений от экспорта нефти и газа.

Усиливается доминирование энергетической составляющей и во внешнеполитических вопросах — от активного использования ее в отношениях с бывшими странами соцлагеря и постсоветскими республиками до включения ее в повестку дня саммита «Большой восьмерки». Власти, и в первую очередь лично Путин, уделяют повышенное внимание разного рода нефтегазовым

проблемам: укреплению рыночного и политического статуса государственных нефтегазовых корпораций, таких, как «Газпром» и «Роснефть», разворачиванию новых проектов в нефтегазовой сфере, активному государственному «пиару» как собственно нефтегазовой тематики, так и позитивных новостей, связанных с распределением доходов от нефтегазового экспорта. Все это свидетельствует о том, что концепция «нефтяного государства» превращается в некую философскую (сродни национальной) идею и становится главным вектором российской внутренней и внешней политики.

«Петрогосударство» как национальная идея

Во многом такое развитие событий следует признать естественным. Государство с большим количеством экономических и социальных проблем вдруг разжилось громадными (да еще и стабильно растущими в течение последних лет) доходами от экспорта нефти и газа. Ведь в 1992–1999 годах мировая цена нефти *Brent* составляла в среднем 22,5 дол. США в долларах 2005-го (17,6 дол. в долларах соответствующих периодов), а в 2000–2005 годах уже 35,4 дол. в долларах 2005-го.

«Разве стал бы Ельцин проводить реформы, если б на его время выпали такие цены?» — горестно воскликнул один из политиков, причастных к осуществлению либеральных реформ 1990-х годов. И действи-

тельно, многие трудности, казавшиеся ранее неразрешимыми, были преодолены без видимых усилий. «Помните, сколько мы говорили в свое время о пике выплат по внешнему долгу в 2003-м и как часто даже пугали друг друга: как это отразится на жизни страны, сможет ли правительство справиться с социальными обязательствами перед населением? Мы выплатили 17 млрд дол. — страна этого даже не заметила», — с удовлетворением комментировал эту проблему Владимир Путин¹. Золотовалютные резервы ЦБ на 2 июня 2006 года составили 247 млрд дол., объем средств в Стабилизационном фонде тоже растет и к 2008-му, по прогнозам, достигнет 100 млрд долларов.

Политикам трудно не поддаться соблазну воспользоваться естественным преимуществом России — огромными запасами дефицитных в мире природных ресурсов, ценность которых на международных рынках постоянно растет, — не только для решения социально-экономических задач, но и

“Политикам трудно не поддаться соблазну воспользоваться естественным преимуществом России для создания новой государственной идеологии”.

для создания новой государственной идеологии, провозглашающей, что поступления от нефтегазового экспорта — это источник национального могущества и безотказное средство решения любых проблем. Недаром один из идеологов нынешней власти, замглавы Администрации Президента Владислав Сурков, выступая 7 февраля 2006 года перед активистами партии «Единая Россия», заявил: «Надо брать то, что у нас и так получается, и просто делать это лучше. Концепция России как энергетической сверхдержавы, мне кажется, вполне соответствует этому подходу. Потому что если у вас сильные ноги, вам лучше прыгать в длину, а не в шахматы играть»².

Вопрос, однако, в другом: имеет ли такая претензия реальную экономическую основу под собой?

Проклятие или счастье?

О «нефтяном проклятии» — негативных сторонах зависимости экономик от нефтегазового экспорта — написано предостаточно. Это и отрицательные последствия «голландской болезни» (потеря конкурентоспособности национальными производствами в результате обильного притока нефтедолларов в страны — экспортеры нефти, роста заработной платы и издержек, удорожания национальной валюты), и утрата политической элитой стимулов к повышению качества экономической и социальной политики (ведь ограничиться перераспределением доходов от нефтегазового экспорта гораздо менее хлопотно). В России последних лет все эти явления имеют место, сопровождаясь тревожным понижением качества государственного управления.

Складывается впечатление, что огромные возможности, открываемые нефтедолларовым изобилием, заслонили собой цели долгосрочного развития и риски возникновения трудностей в будущем. Не исключено, что нефтяные цены действительно останутся высокими еще в течение долгого времени, что позволит государству по-прежнему замалчивать проблемы, которые, на мой взгляд, неизбежно возникнут в будущем вследствие «нефтяного проклятия».

Однако взглянем на эту проблему под несколько иным углом: а *возможно ли в принципе* в России создание пусть и глубоко порочного с точки зрения экономической теории, но все же хотя бы относитель-

но благополучного государства, способного на какое-то время благодетельствовать своих граждан посредством раздачи нефтедолларов (напрямую или в виде финансирования разного рода проектов развития)? В конце концов, аргументы тех, кто ратует за направление доходов от экспорта нефти и газа «на цели развития экономики и социальные нужды», в основном как раз и сводятся к тезису, что, мол, глупо не исполь-

нив, что «норвежцы об этом не догадываются») ³.

Многие политики популистского толка ставят патернализм в центр своих политических манифестов. К примеру, в программе движения Сергея Глазьева «За достойную жизнь!» с красноречивым названием «Социальная справедливость и экономический рост» утверждается: «Использование столь существенных доходов, образующих-

“Построению в России успешного «петрогосударства» препятствует слишком большая численность жителей”.

зовать нефтяное богатство страны в национальных интересах и не поддержать небогатое и уставшее от экономических трудностей население за счет доходов от углеводородов.

Сторонники концепции «нефтяного счастья» в качестве образца для подражания приводят относительно благополучные страны с высоким уровнем жизни, построившие свое преуспевание исключительно за счет перераспределения доходов от нефтегазового экспорта. Речь идет о Норвегии, Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), Кувейте, Катаре, Саудовской Аравии. Высокий уровень жизни в этих странах поддерживается в основном благодаря финансовым дотациям государства, имеющим откровенно патерналистский характер, — путем выплаты собственным гражданам безвозмездных пособий и предоставления широкого спектра социальных услуг. Так, в феврале текущего года председатель Счетной палаты РФ Сергей Степашин, один из активных приверженцев расходования поступлений от нефтегазового экспорта на социальные нужды, поставил в пример России Норвегию, щедро финансирующую социальные программы из нефтедолларовых источников, притом назвав ее «страной победившего развитого социализма» (хотя и уточ-

ся за счет эксплуатации принадлежащих государству природных ресурсов, в общенациональных интересах позволило бы преодолеть хронический бюджетный кризис и обеспечить выполнение всех социальных обязательств государства... Использование вышеперечисленных и других инструментов возврата природной ренты в доход государства как собственника природных ресурсов, успешно применяемых в мировой практике, позволит в ближайшее время увеличить государственный бюджет не менее чем в полтора раза» ⁴.

Между тем цифры свидетельствуют, что заявления о якобы имеющихся возможностях решить все социальные проблемы россиян или добиться существенной модернизации страны за счет нефтедолларов — не более чем иллюзии. Правда же заключается в том, что сравнение России с такими «нефтяными государствами», как Норвегия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Саудовская Аравия, если иметь в виду модель построения социально-экономической политики, *системно некорректно*. Есть по меньшей мере одна весомая причина, по которой Россию ни в коем случае нельзя ставить в один ряд с упомянутыми странами. Эта причина крайне проста: построению у нас успешного «петрогосударства», аналогичного вышеперечисленным,

препятствует *слишком большая* численность жителей.

Население — враг номер один «нефтяного государства»

Удивительно, но многие эксперты, анализируя проблемы развития нефтедобывающих стран, концентрируют свое внимание на качестве экономической политики и институтов, а не на таком элементарном факторе, как количественная достаточность ресурсов для решения амбициозных программ. Типична в этом смысле расстановка акцентов в статье Мозеса Наима. Характеризуя природу «нефтяного государства», он пишет: это — страны «богатые нефтью, но со слабыми институтами, плохо функционирующим общественным сектором, а также высокой концентрацией власти и богатства. Разрыв между богатейшими природными ресурсами “петростейта” и хронической нищетой его граждан часто приводит к политическому напряжению и разочарованиям»⁵. В сходном ключе высказывается и Егор Гайдар: «Шансы на создание... надежных институтов, позволяющих ограничивать коррупцию и произвол властей и чиновничества, у населения в богатых ресурсами странах всегда меньше, чем в тех, которые подобными ресурсами обделены»⁶.

Конечно же, качество экономической политики — важный фактор. Однако не менее значимо само наличие нефтегазовых ресурсов в количестве, обеспечивающем хотя бы гипотетическую возможность построить эффективное «нефтяное государство» в стране с многочисленным населением. Экономисты обычно измеряют ресурсное богатство таких стран долей сырьевых ресурсов в экспорте или объеме валового внутреннего продукта. Однако показатели, позволяющие реально оценить, в какой мере нефтегазовый потенциал способен обеспечить благополучие «петрогосударств», — это

цифры добычи и экспорта углеводородов на душу населения.

Простые сравнения «нефтяных государств» по показателю удельной добычи и экспорта углеводородов на душу населения демонстрируют весьма показательную картину. Такие страны четко делятся на две группы. В первую входят те из них, где на базе нефтегазового экспорта действительно удалось добиться довольно высоких показателей экономического развития, а ВВП на душу населения составляет — в долларах 2004 года по паритету покупательной способности — 20 тыс. дол. и больше (Норвегия, ОАЭ, Кувейт, Катар) или хотя бы 10–15 тыс. дол. (Саудовская Аравия, Оман, Ливия). Характерная особенность всех этих стран заключается в том, что в каждой из них проживает не более 5 млн человек (исключение составляет Саудовская Аравия с ее более чем 24 млн жителей, но ее нефтегазовый потенциал, надо заметить, несравненно крупнее, чем у других). На каждого гражданина в наиболее успешных «петрогосударствах» ежегодно приходится 50 и более тонн добычи углеводородов, а в «маргинальных» странах этой группы — 15–25 тонн.

Вторая группа заметно отстает по уровню экономического развития, несмотря на большие объемы добычи углеводородов в абсолютном выражении. В таких странах, как Венесуэла, Иран, Ирак, Нигерия, невзирая на их значительную роль на мировом рынке нефти (на долю каждой из них приходится по 3–5 проц. мировой добычи), ВВП на душу населения по ППС устойчиво ниже 10 тыс. дол. в год. Не составляет исключения и Россия, хотя наша доля в общемировом производстве нефти существенно выше (почти 12 проц.), не говоря уже о том, что у нас, в отличие от других «петрогосударств», добывается много не только нефти, но и газа (в совокупности примерно один миллиард тонн нефтяного эквивалента в год). На при-

веденных ниже графиках четко видно, что корреляция между душевыми показателями объема добываемых углеводородов и ВВП – самая что ни на есть прямая.

Иными словами, добиться приемлемого уровня жизни населения при его численности, существенно превышающей 5 млн человек, не удавалось еще ни одной стране, кроме Саудовской Аравии, да и то благодаря занимаемой ею первой позиции в мире по добыче углеводородов вкпе с относительно низким собственным потреблением энергоресурсов. Но даже при всем этом ее результаты далеко не дотягивают до лучших образцов.

А это означает, что лишь несколько государств со скромными размерами населения реально способны решать социально-экономические задачи национального масштаба исключительно за счет нефтегазового экспорта. В других странах, даже добывающих довольно много нефти и газа по масштабам мирового рынка, ресурсов для обе-

спечения приемлемого уровня жизни *только* за счет нефти и газа все равно не хватит. Но, как уже было отмечено, легкость концентрации ресурсной ренты провоцирует власти на снижение качества экономической политики, что ухудшает показатели развития. Таким образом, в большинстве нефтедобывающих государств «нефтяное проклятие» действует безотказно, а вот «нефтяное счастье» оказывается недостижимой мечтой.

Но и это еще не всё. Россия, в отличие от многих ближневосточных, африканских и латиноамериканских стран, является высокоиндустриальной державой с огромной территорией, что требует поддержания ресурсоемкой транспортной инфраструктуры. А это в свою очередь обуславливает повышенный внутренний спрос на энергоносители. В совокупности российская экономика потребляет почти 500 млн т углеводородов (нефть и газ в пересчете на нефтяной эквивалент) в год, что соответствует всему

Рис. 1

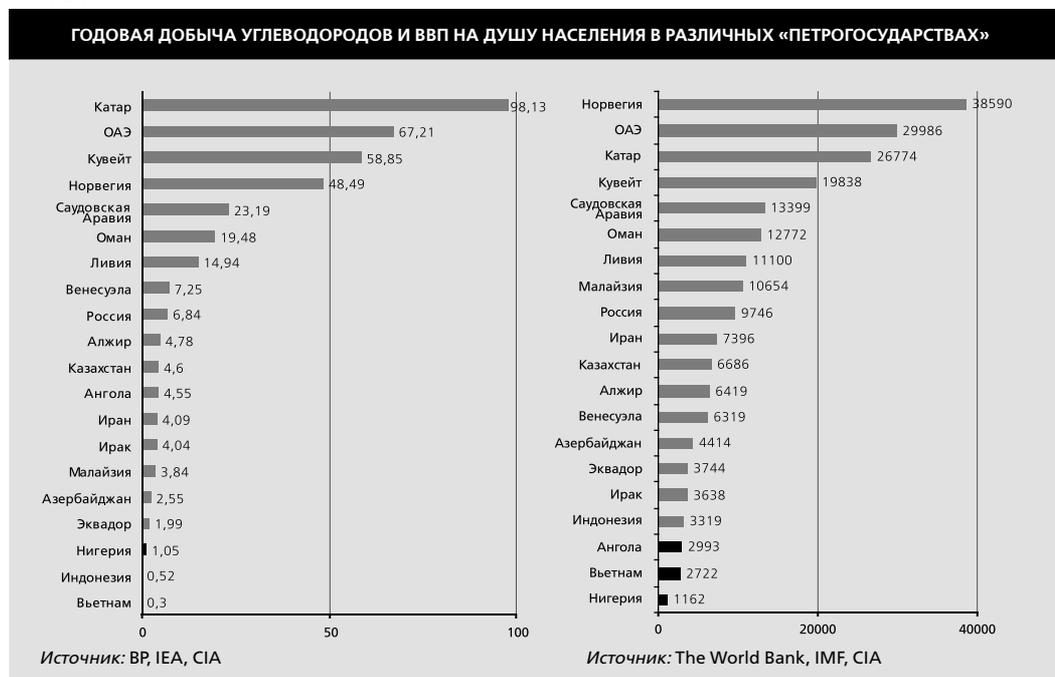
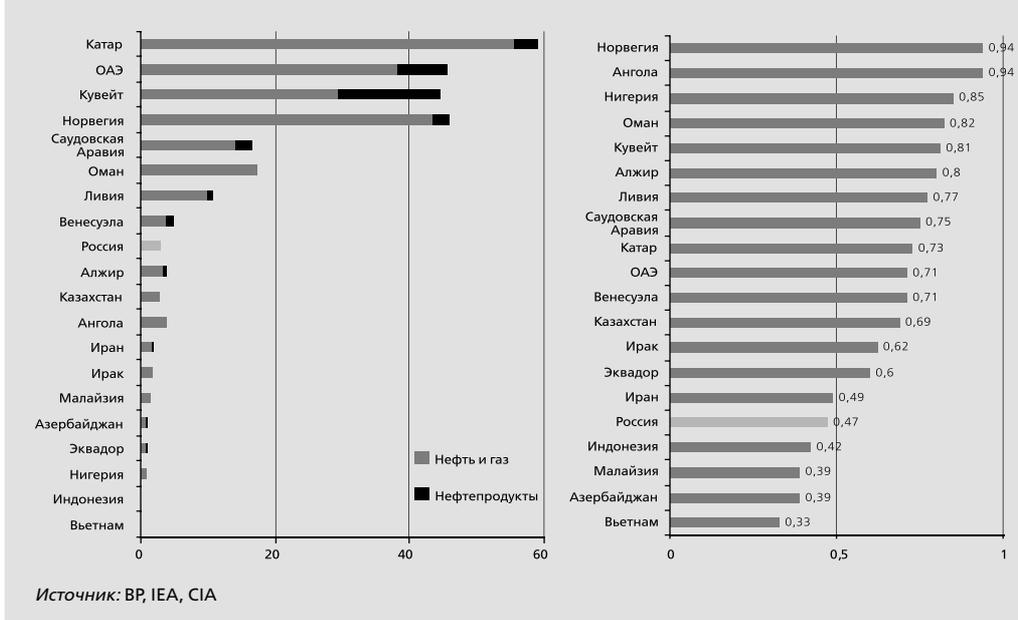

Рис. 2

ГОДОВОЙ ЭКСПОРТ УГЛЕВОДОРОДОВ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ ЭКСПОРТА УГЛЕВОДОРОДОВ К ОБЪЕМУ ИХ СОБСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ «ПЕТРОГОСУДАРСТВАХ»

объему нефтедобычи Саудовской Аравии. Почти 60 проц. данного объема потребляется энергоемкими промышленностью и транспортом.

Неудивительно, что в результате годовой физической объем чистого экспорта нефти и газа составляет всего-то-навсего около 3 т нефтяного эквивалента на одного россиянина (по итогам 2004-го). В рейтинге «петрогосударств» по показателю отношения объема экспорта нефти и газа к объему их собственного потребления Россия занимает одно из последних мест. А это значит, что наши возможности в области конвертации национального углеводородного потенциала в национальное процветание заведомо ограничены.

Что можно себе позволить, экспортируя всего три тонны нефтяного эквивалента на человека в год? Элементарный расчет показывает, что даже при сегодняшней сверхвы-

сокой мировой цене экспортной российской нефти в 60 дол. за баррель с учетом разумных издержек добычи и транспортировки углеводородов, включая хотя бы минимальные капитальные затраты (необходимость которых признают даже такие популисты, как Глазьев), балансовая прибыль от экспорта этих трех тонн составит лишь 990 дол. в год, или чуть больше 82 дол. в месяц.

Очевидно, что этих средств достаточно разве что для поддержания существующего положения вещей, но никак не для достижения национального процветания или решения масштабных социальных задач. Причем изъятие даже таких относительно скромных сумм из нефтегазового сектора приведет к тому, что тот в лучшем случае сможет обеспечивать воспроизводство основных средств, да и то лишь в течение какого-то времени. О качественном же развитии и реализации новых масштабных проектов можно будет

забыть: в течение нескольких лет потенциал нефтегазового сектора будет проеден. Аналогичная картина складывается во всех «петрогосударствах» с населением численностью свыше 20 млн человек. Как видно из

стиционные нужды. Действительно, данные страны могут похвастаться не только высокими подушевым ВВП и уровнем жизни населения, но и определенными успехами в построении механизмов инвестирова-

“Вопрос о широкомасштабной модернизации России за счет использования ее энергетического потенциала следует считать, по сути, закрытым”.

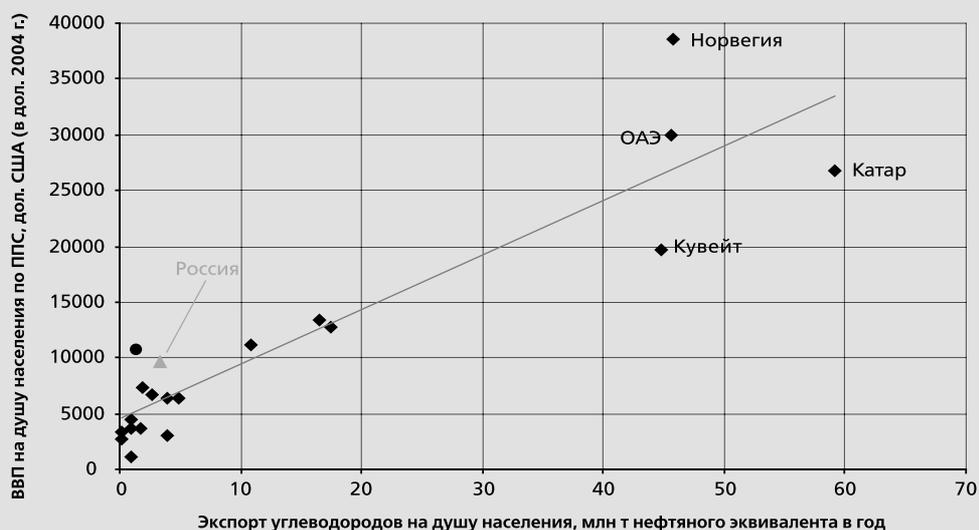
графика, уровень ВВП на душу населения выше 10 000 дол. достигается только «нефтяными государствами», экспортирующими энергоресурсы в объеме не менее 10–20 т углеводородов на душу населения в год. Такой уровень для России недостижим.

Особое положение среди «петрогосударств» занимают четыре наиболее благополучные страны – Норвегия, ОАЭ, Кувейт, Катар. Как правило, именно эту «четверку» приводят в пример сторонники использования нефтедолларов на социальные и инве-

ния доходов от углеводородного экспорта, в создании привлекательных систем социального обеспечения. Но не надо обольщаться: подобные успехи являются результатом отнюдь не повышенной эффективности или высокого качества их экономической политики. Просто их удельная ресурсная обеспеченность на порядок выше, чем у остальных нефтедобывающих государств. Что неудивительно при столь малом населении (в Катаре – менее миллиона человек, в Кувейте – менее, а в ОАЭ – чуть больше

Рис. 3

ЭКСПОРТ УГЛЕВОДОРОДОВ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ И ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В «ПЕТРОГОСУДАРСТВАХ»

трех миллионов, в Норвегии — менее пяти). Эти страны попросту перекормлены ресурсами.

Другое дело — Нигерия. Экономисты любят приводить эту страну в качестве отрицательного примера «петрогосударства», в котором неэффективное управление и отсутствие действенных институтов так и не позволили за 40 лет увеличить подушевой ВВП по ППС: он стагнирует где-то в районе 1 000 дол., несмотря на высокие доходы от экспорта нефти. Однако, имея население около 130 млн человек и располагая умеренным нефтегазовым потенциалом, добиться иного результата и невозможно, если делать ставку в государственной политике *только* на нефть.

Отсюда напрашивается вывод. Если вы экспортируете не более 2–3 т углеводородов на душу населения в год, то нечего и думать об «энергетической сверхдержаве» как о национальной идее. Доходов от продажи этого объема нефтегазового сырья не хватит даже для обеспечения элементарных нужд граждан, а не то что для достижения каких-то там амбициозных политических целей. Высокие абсолютные объемы добычи нефтегазового сырья и доходы от него, выраженные в миллионах тонн и миллиардах долларов, никого не должны вводить в заблуждение.

Проклятие в головах

Итак, применение термина «нефтяное государство» ко всем странам — крупным экспортерам нефти не вполне корректно.

«Петрогосударства», как мы видели, четко разделяются на две неравные группы: страны, где малая численность населения позволяет реально капитализировать высокие доходы от нефтегазового экспорта, и те, в которых этих доходов едва хватает на удовлетворение минимальных текущих потребностей нации и appetитов госчиновников.

Именно к последней группе стран принадлежит Россия. Большая численность насе-

ления и повышенные собственные потребности в энергии практически закрывают нам путь к «нефтяному счастью». Если вопрос о том, насколько оправданным было бы использование национальных доходов от нефтегазового экспорта для реализации отдельных проектов по модернизации страны, еще может стать предметом дискуссии (хотя найдется немало сторонников более осторожного подхода к «нефтяному богатству»), то вопрос о широкомасштабной модернизации России за счет использования ее энергетического потенциала следует считать, по сути, закрытым. *Это невозможно, и ресурсов для этого недостаточно.*

Понимает ли российское руководство ограниченный характер национального нефтегазового потенциала? Пока возникают серьезные сомнения на этот счет. Более того, очевидный перекокс в сторону усиления нефтегазового фактора во внутренней и внешней политике да еще и появление признаков «идеологического обрамления» концепции энергетической сверхдержавы наводят на мысль, что возможности, открывшиеся для России благодаря высоким экспортным ценам на нефть и газ, полностью заслонили собой другие идеи и направления государственной политики.

Вот слова Путина о роли энергетики в российской экономике и укреплении мировых позиций России, сказанные им 27 декабря 2005 года на заседании Совета безопасности РФ: «Энергетика является, сегодня во всяком случае, важнейшей движущей силой мирового экономического прогресса. От того, какое место мы займем в глобальном энергетическом контексте, прямо зависит благополучие России и в настоящем, и в будущем. Заявка на лидерство в мировой энергетике — это амбициозная задача... Столь масштабная задача станет серьезным катализатором модернизации и качественного подъема всей экономики Российской Федерации»⁷.

Нарастающая гипертрофия топливно-сырьевой составляющей в экономической политике подтверждается и цифрами: доля налога на использование природных ресурсов в структуре налоговых доходов федерального бюджета, по данным Министерства финансов РФ, увеличилась с 7,8 до 16 проц., что резко усилило влияние нефтегазового фактора на сбалансирован-

Подобный взгляд явно несостоятелен, ибо для того чтобы реализовать заявленную модель развития, ресурсы попросту недостаточно. Финансовые ресурсы, накопленные в виде золотовалютных резервов ЦБ и в Стабилизационном фонде, вроде бы впечатляют, провоцируя многих представителей власти и общества сосредоточиться на перераспределении накопленного богатства, но

“Если вы экспортируете не более 2–3 т углеводородов на душу населения в год, то об «энергетической сверхдержаве» нечего и думать”.

ность бюджета. Показательно и то, что на реализацию четырех приоритетных национальных проектов («Современное здравоохранение», «Качественное образование», «Доступное жилье» и «Эффективное сельское хозяйство») государство обещает — с учетом внебюджетных источников — потратить 180 млрд руб., или 6,4 млрд дол. по текущему курсу, тогда как только на выкуп контрольного пакета акций «Газпрома» оно косвенно израсходовало 7,15 млрд дол., а на ряд новых крупных проектов в энергетической сфере, таких, как новые нефте- и газопроводы, в ближайшие годы будут выделены десятки миллиардов долларов.

Таким образом, нефть и газ стали важнейшими приоритетами экономической политики, и остальные сферы жизни страны теперь всё больше зависят от экспорта углеводородов. Фактически сырьевая направленность народного хозяйства России официально продекларирована властями в качестве фундамента экономической, социальной, внешней политики и даже государственной идеологии. По сути дела, общественности сознательно навязывается точка зрения, будто сырьевые ресурсы — это единственный и незаменимый источник национального благополучия.

В контексте насущных задач, стоящих перед Россией, эти средства не так уж и велики. В стране слишком много требует масштабных капиталовложений. Например, одна только транспортная стратегия, утвержденная властями в мае 2005-го, оценивает ежегодную потребность в инвестициях в этой сфере до 2010 года в более чем 20 млрд долларов⁸. Реально же вкладывается примерно 10 млрд дол. в год. Поэтому, если будет принято решение, скажем, потратить Стабилизационный фонд на покрытие разрыва между текущими и требуемыми вложениями в развитие транспортной инфраструктуры, то накопленных средств едва хватит на пять лет. А ведь существует еще потребность в модернизации армии, социальной инфраструктуры, в реализации «национальных проектов» и т. д.

Между тем у России, несомненно, есть альтернативы. Если бы власти проводили последовательную политику с целью уменьшить участие государства в экономике и снять регуляторные барьеры — а эта задача вроде бы и декларировалась в начале первого президентского срока Путина, — то российский бизнес, не имеющий доступа к нефтегазовым богатствам, вполне смог бы в долгосрочном плане адаптироваться к условиям глобальной конкуренции и обеспечить высокие темпы

экономического роста. Ведь Россия до сих пор остается достаточно диверсифицированной экономикой, в которой доля нефти и газа в ВВП составляет всего 9 проц., и даже если принять повышенные оценки, учитывающие влияние трансфертного ценообразования⁹, эта доля не превысит 25 процентов. Сегодня же власти, усилившие давление на предпринимательство на всех уровнях, практически лишают национальный бизнес такой возможности, предоставляя полную экономическую свободу лишь государственным энергетическим корпорациям.

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Телевизионная «Прямая линия с Президентом России». 2003. 18 дек.

² *Выступление* заместителя руководителя Администрации Президента РФ В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров партии «Единая Россия». 2006. 7 февр. (<http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>).

³ См.: Труд. № 20. 2006. 7 февр. (<http://www.trud.ru/trud.php?id=200602070200103>).

⁴ См.: <http://www.zdj.ru/documents/155/>

⁵ *Naim M.* If Geology Is Destiny, Then Russia Is in Trouble // The New York Times. 2003. Dec. 4 (<http://www.nytimes.com/2003/12/04/opinion/04NAIM.html?ex=1071547802&ei=1&en=ecf60aed7ef58a9a>).

⁶ *Гайдар Е.* Нефтяное проклятие // *Гайдар Е.* Гибель империи: Уроки для современной России (<http://ej.ru>).

⁷ *Вступительное слово* Президента России В. Путина на заседании Совета безопасности по вопросу о роли России в обеспечении международной энергетической безопасности. М., 2005. 22 дек.

«Ресурсное проклятие», таким образом, коренится в образе мышления российских политиков.

Хочется надеяться, что Россия все же сможет вырваться из порочного круга психологической и политической зависимости от нефти и газа, в полной мере осознав недостаточность имеющихся углеводородных ресурсов для успешной реализации концепции «нефтяного государства». А мы все получим возможность играть в шахматы, вопреки желанию некоторых кремлевских идеологов заставить нас поголовно прыгать в длину. ■

⁸ *Приказ* Министерства транспорта РФ от 12 мая 2005 г. № 45 «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года».

⁹ *Рюль К., Шафер М.* Потёмкинский ВВП // Вестник. № 29. 2004. 19 февр. Подробно см.: Russian Economic Report. The World Bank. Feb. 2004. No 7. Речь идет о том, что из-за перепродажи нефти торговыми подразделениями нефтяных компаний (закупающими ее у добывающих подразделений) часть национальной добавленной стоимости попадает в рубрику «торговля и услуги», в результате чего доля торговли в ВВП оказывается завышенной. Но если бы нефтедобывающие компании продавали нефть сразу по ценам рынка, доля сектора нефте- и газодобычи в ВВП доходила бы до 25 вместо 8–9 процентов. Другими словами, часть отражаемой в ВВП торговли нефтью является на деле ее перепродажей одними подразделениями вертикально интегрированных нефтяных компаний другим их подразделениям.